

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(на материале драматургии В.Маяковского)

Одним из путей обновления арсенала методов современного литературоведения может стать, на наш взгляд, активное использование при анализе методологии одного из наиболее мощных и влиятельных, особенно на Западе, направлений в литературоведении и, шире, культурологии XX в., — мифологической критики, или мифокритики, в основу которой положен принцип отыскания мифологических репродукций в художественных произведениях. В современной русской филологии этот метод «обнаружения, вычленения и анализа мифомотивов, образов и структур в художественном тексте»¹ нередко называют «мифореставрацией». Нами сделана попытка применить методы мифокритики к драматургии В.Маяковского. Поскольку в советском литературоведении мифопоэтический анализ долгое время был, по существу, вне закона по идеологическим соображениям, работы на эту тему выходили, но были большой редкостью. Принадлежали они таким известным ученым как М.Ю.Лотман, В.Н.Топоров, В.Иванов и др. Была среди них и работа И.П.Смирнова по Маяковскому («Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот как я сделался собакой»)²).

В последние годы количество подобных работ возросло, стали предприниматься активные попытки применить метод к тем или иным конкретным произведениям или образам. Более крупные литературные блоки, например, тематические или жанровые, пока исследованием не затронуты.

Насколько нам известно, к драматургии В.Маяковского этот метод применяется впервые.

Следует сразу же оговорить, что методы мифореставрации отнюдь не отменяют, на наш взгляд, классических методов анализа и не подменяют их собой. Мы не стремимся универсализировать применяемый нами метод

мифологической интерпретации. Нашей задачей является лишь показать правомерность подобного подхода при анализе отдельных уровней произведения. Соединение же направленности как на поверхностную, так и на глубинную структуры произведения придает традиционному анализу полифоническое звучание, вскрывает всеобщие внутренние закономерности художественной фантазии.

Практика мифологического анализа литературного произведения свидетельствует, что интерпретация структуры семантического строения текста может включать в себя анализ путей реализации индивидуальных установок автора на фоне проявления их в контексте универсальных, постоянно действующих особенностей человеческого сознания. Иными словами, подобный анализ дает возможность через призму фантазии художника заглянуть в глубины бессознательного и безошибочно отыскать там вполне конкретные универсальные образы.

Следует отметить, что Маяковского можно отнести к числу, если можно так выразиться, сознательно-мифологизирующих писателей XX в. В его произведениях в большом количестве обнаруживаются вполне сознательные заимствования, источником которых, как правило, является библейская мифология. В драматургии пьеса «Мистерия-буфф» – ярчайшее тому доказательство. При создании этого произведения Маяковский пользовался как ветхозаветными, так и новозаветными источниками. На это указывают как слегка перефразированные цитаты из Библии («Сначала / все было просто: / день сменила ночь...»³ - ср. «И был вечер, и было утро...» (Быт. 1:8); «Сие на сорок ночей и на сорок ден...» (II,265) – ср. «И продолжалось на земле наводнение сорок дней...» (Быт. 7:17)), так и использование отдельных библейских образов. Здесь и земля Обетованная из Исхода, и сцена хождения по воде как посуху из Евангелия, которая, наряду с речью Человека, основанной на Нагорной проповеди, имплицитно отсылает нас к образу Иисуса Христа. Сама пьеса целиком построена на мифологическом сюжете о Всемирном потопе из Бытия. Однако простая констатация наличия в произведении мифологических образов и мотивов – это лишь одна сторона изучения мифа в художественном произведении. По мнению такого выдающегося ученого как С.С.Аверинцев, при подоб-

ном подходе констатация того или иного мотива как мифологического осуществляется в зависимости от наличия определенных имен. Он пишет: «Если в тексте упоминается Зевс, или Ифигения, или Демон, можно спокойно говорить о мифе. При таком подходе изучение «использования» мифологии в литературе свелось бы к составлению индексов, учитывающих все упоминания *имен* такого рода»⁴. При этом он отмечает, что метод выявления мифологических персонажей по индексу более или менее работает применительно к литературе и искусству, основанным на овидиевском подходе к мифу, оказавшем «всеобъемлющее воздействие на новoeвропейскую литературу и искусство — от Ренессанса вплоть до эллигов классицизма в XIX веке»⁵, но безнадежно неприложим ко всей культуре XX века в целом. Используя терминологию Юнга, Аверинцев отмечает, что представление о мифе неотделимо от таких понятий как «первозлементы», «первообразы», «схемы», «типы» и их синонимов. Он считает, что мифологические первообразы, некие изначальные схемы представлений, лежащие в основе самых сложных художественных структур, невозможно выявить при помощи индексного метода.

Поскольку мифология, по выражению С.Аверинцева, «имеет весьма для нее существенное психологическое измерение»⁶, очень важным в контексте мифологического анализа оказывается разработанный Юнгом вопрос о бессознательном использовании мифологических категорий, лежащих в основе единого поля мифопоэтического сознания.

Хотя мы никак не собираемся утверждать, что все пьесы Маяковского представляют собой только более или менее замаскированные варианты извечных образов и идей, и являются лишь следствием работы «коллективного бессознательного», мы считаем, что мифотворческая стихия у Маяковского далеко не всегда осознана и подчас глубоко запрятана.

Действительно, установить четкую границу между тем, где кончается сознательное использование мифологических образов и начинается область бессознательного оперирования ими, крайне сложно. Впрочем, это и не является нашей прямой задачей. Мифологический подход призван лишь максимально выявить в произведениях Маяковского тот мифоло-

гический пласт, который существует, но не лежит на поверхности. При этом самые обычные образы, идеи и явления вполне правомерно и сознательно используемые автором для создания одного плана значений, с привлечением методов мифокритики совершенно неожиданно оказываются значимыми для другого, скрытого плана значений. Подобный подход в анализе творчества Маяковского выводит на качественно новый уровень и язык его произведений. Он обладает некоторой гиперструктурностью, в том смысле, как это понимал К.Леви-Стросс, то есть «правила и слова служат здесь для построения образов и действия, являющихся «нормальными» обозначаемыми для обозначающих речи и одновременно значащими элементами по отношению к дополнительной системе значений, которая разворачивается в другом плане»⁷.

Мифологический анализ драматургии Маяковского позволяет выявить два основных типа художественного мифологизма в творчестве художника:

1. Открытое использование и реконструкция древних мифологических и религиозных сюжетов. Примером мифологизма подобного типа является «Мистерия-буфф»⁸, целиком построенная на материале библейской мифологии. Причем это касается не только темы революции, реализованной через метафору ветхозаветного Всемирного потопа, но и обрисовки будущего, имеющего, на наш взгляд, черты новозаветного Небесного Иерусалима. Анализ обращений Маяковского и к тому и к другому привел нас к выводу об использовании в пьесе космогонических и эсхатологических мотивов, тесно взаимосвязанных между собой. Сказанное, однако, не означает отсутствия в «Мистерии-буфф» еще и обширного пласта имплицитных обращений к мифологическим мотивам. Таковыми являются, по нашему мнению:

а) категория середины или центра мира, реализованная через связанную с ней мифологему мирового древа, а также идею многоступенчатости Вселенной;

б) мотив возрождения, раскрывающийся в пьесе через посредство мотива «ночного плавания по морю» и образов, имеющих, с точки зрения мифологической интерпретации, материнскую символику.

в) мотив змеборства, соотносящийся с эсхатологическими (возврат к Хаосу) и космогоническими (победа над силами Хаоса) мотивами.

2. Скрытое обращение к мифу или мифологическому сюжету, восстановление и реконструкция которого оказываются возможными благодаря ориентированности автора на изначальные архетипические константы человеческого и природного бытия, такие, например, как дорога, дом, очаг, вода, смерть и др. Будучи расшифрованными и приведенными в соответствие с универсальными мифологическими представлениями, они дают общую картину зашифрованного в произведении мифа. Подобный тип мифологизации имеет место в пьесе «Клоп», где путем последовательного анализа мифологических единиц мы выходим на широко распространенный в мифологической и фольклорной традициях сюжет перехода героя из одного мира в другой. В данном случае анализ пьесы «Клоп» оказывается сосредоточен преимущественно вокруг семиотической оппозиции *свой – чужой*, являющейся мифопоэтической основой любого подобного перехода⁹. В пьесе отчетливо прослеживается мифологема «временной смерти», а также наличие медиатора, действующего по мифопоэтическим законам, главная функция которого заключается в снятии противоречий между мирами, один из которых, что вполне закономерно, обладает чертами потустороннего мира.

Что касается «Бани» (1929 г.), то там уже нет отсылок к конкретным мифам, а только лишь скрытая мифологическая символика. Основную мифологическую нагрузку в ней несет образ Фосфорической женщины, посредством которого в пьесе реализуется мифологема «волшебного помощника». В «Бане» мифологический пласт гораздо более фрагментарен и ограничен и раскрывается во многом благодаря анализу предыдущих пьес, с которыми она перекликается, объединяясь с ними в единое художественное и мифологическое поле. Все три пьесы объединяет тема будущего, хотя и поданного чисто внешне по-разному, но тем не менее имеющего сходные мифопоэтические черты. В мифологическом контексте пьесы сближаются также благодаря отчетливо прослеживаемому в них сходству с инициационным комплексом.

Если рассматривать пьесы в хронологической последовательности их написания, то можно обнаружить постепенный переход от прямого, открытого обращения к мифологическим сюжетам и образам к скрытому, завуалированному оперированию мифологическими категориями без прямых ссылок на миф.

В процессе анализа драматургии Маяковского с позиций мифологической критики мы пришли к следующим выводам:

1. Пьесы Маяковского весьма насыщены мифопоэтическими элементами, причем как эксплицитными, лежащими на поверхности, так и имплицитными, выявляемыми при аналитическом чтении.

2. Динамика соотношения эксплицитных и имплицитных мифопоэтических репродукций за период от 1918 (первая редакция «Мистерии-буфф») до 1929 г. («Баня») обнаруживает явное тяготение к их завуалированности.

Следует отметить, что сознательное и неосознанное обращение Маяковского к мифологии не стоит особняком от общего процесса развития литературы, как русской, так и западной, поскольку «мифологизм» является характерным явлением литературы XX в.

¹ С.М.Телегин. Жизнь мифа в художественном мире Достоевского и Лескова. М., 1995, с.3.

² В кн. Миф – Фольклор – Литература. – Л.: Наука, 1978, с.186-203.

³ В.В.Маяковский. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Москва, «Художественная литература», с. 263. Далее тексты пьес буду цитироваться по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.

⁴ С.С.Аверинцев. «Аналитическая психология» К.-Г.Юнга и закономерности творческой фантазии. – В кн.: О современной буржуазной эстетике. – М.: Искусство, 1972, с.112.

⁵ Там же, с.112-113.

⁶ Там же, с.116.

⁷ К.Леви-Сросс. Структура и форма. – в кн.: Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – М.: Наука, 1985, с.31.

⁸ Эта пьеса анализировалась нами в ранее опубликованных статьях. См. Саркисян М. Мифологическая категория середины мира и ее реализация в пьесе В.Маяковского «Мистерия-буфф» - Декабрьские литературные чтения. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, вып. 6, 2002; Мкртчян М. Мотив возрождения и его имплицитная символика в пьесе В.Маяковского «Мистерия-буфф» - Декабрьские литературные чтения. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, вып. 7, 2004.

⁹ Подробно об этом см. нашу статью: Sarkisian M. Semantics of the Mith in Mayakovski's play *The Bug*. – Semiotics and Language Teaching, Edited by Dora Sakayan. McGill University, Caravan Books, Ann Arbor, 2001.